

* * *

Отцу

Чему ты меня учил, сгодилось теперь вдвойне,
Когда разрастаются пятна белые на луне,
Когда облетают листья – больно ль карагачу?
Вот все, что теперь осталось. А большего – не хочу.
И большее не поместишь в старый скрипучий шкаф,
И большего не получишь, меньшего не отдав
Другим, разделив на части – поровну, без обид.

Когда из десятков окон последнее догорит
В кирпичной пятиэтажке – то будет мое окно.
Чему ты меня учил, сгодилось, но все одно:
Когда облетают листья – хочется забывать.
Вот все, что теперь осталось: несказанные слова
Да голых деревьев ветки за вакуумом стекла,
А то, что казалось нужным, – на деле обычный хлам.

* * *

Пустое место свято не бывает.
Оно пустое – что же в нем еще?
Заполнить пустотой его до края,
И через край она пусть утечет,
Стекает по рукам моим дрожащим,
Сквозь пальцы убегает от меня.
Пустое место остается чаще
На месте необъятного огня:
Он догорает – остается пусто.
Оно – чернеет, а еще растет
И замирает в комнате под люстрой,
И больше никого уже не ждет.

* * *

Как мне теперь тебе рассказать об этом:
Что забывать не в силах, просить простить?
Я привыкаю к жизни другой – без света;
Я двадцать восемь дней не могу найти
То, что потеряно где-то – не помню даже;
Или нарочно кто-то стащил впотьмах.
Как мне сказать тебе, что чернее сажи
Только панический страх?

Страх оставаться в комнате темной ночью,
Знаешь, как в детстве – кто там к тебе придет?
Ладно – волчок, было б бояться проще,
Здесь же – никто, совсем, никогда. И вот
Я накрываюсь выцветшим одеялом,
Я забиваюсь в угол – меня здесь нет.
Как мне тебе сказать, что меня не стало,
Если ты выключил свет?

* * *

Умереть, не встать, не сказать тебе,
Как боюсь ходить по большой воде,
Как холодный страх больно бьет волной.
Ни подругой верной и ни женой
Мне не быть тебе, никому не быть,
Мне теперь одной по течению плыть.
Пусть несет куда-нибудь в никуда,
Где у рек – соленые берега,
Где над небом – небо, над ним – еще,
А с него другая вода течет:
Там не страшно плавать совсем, и в ней
Нет меня любимей и нет нужней.

* * *

О, удивительный возраст Иисуса Христа:
То ли умру и воскресну, то ли
Просто начну все с неписанного листа,
Без всякой хандры и боли,
Без лишнего груза: ненужных людей, вещей,
Неискренних слов, нелюбви. А дальше,
Может быть, не останется ничего вообще
Или, наоборот, без фальши
Будет все нужное, важное, данное неспроста
Кем-то, чье имя не произносят всуе.
О новый день, я перед тобой – чиста,
Прими же меня такую.